

СИМВОЛИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ КАК ОСНОВНОЙ МЕХАНИЗМ ВОСПРОИЗВОДСТВА ГЕНДЕРНОЙ ПОЛЯРИЗАЦИИ И СУБОРДИНАЦИИ В ТЕОРИИ П. БУРДЬЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (грант № 13-06-00119 А).

Анализируется тема мужского господства в творчестве французского социолога и философа Пьера Бурдьё. Эксплицируется процесс натурализации половых различий и мужского доминирования посредством инкорпорирования в сознание социальных агентов бинаризирующей социальной схемы. Раскрывается механизм инкорпорирования как длительный процесс соматизации, т.е. запечатления в телах социальных агентов полового измерения, встраивающего индивида в бинарную социальную модель и вынуждающего других индивидов бесконечно воспроизводить дуалистические принципы социального устройства.

Ключевые слова: мужское господство; маскулинность; фемининность; символическое насилие; соматизация; натурализация.

Тема мужского господства появляется в творчестве П. Бурдьё в связи с двумя значимыми аспектами. Во-первых, социальное пространство средиземноморской Кабилии, которое выступает материалом для данной работы, традиционно акцентирует мужественность и мужское как социально значимые характеристики. Вследствие этого сама дихотомия маскулинное / фемининное в этой области становится явно прочерченной, «осязаемой» для исследователя. С другой стороны, символическое насилие, переплавляющее объективные структуры социума в ментальные установки субъекта, вряд ли может иметь более яркое и актуальное в большей или меньшей степени для каждого человека выражение, чем в стратегии и практиках гендерной схематизации. Как отмечает Майкл Буравой, мужское господство выступает для П. Бурдьё «прототипом символического господства, то есть господства, не понимаемого как таковое» [1. С. 132]. Тысячелетиями налаженное производство и воспроизводство гендерной дихотомии представляет собой яркий материал для демонстрации более общих и фундаментальных законов инкорпорации социальных схем. «Естественность» мужского господства, в равной степени с «естественностью» противостояния полов, есть результат длительной мифологизации, невозможной в свою очередь без бесконечного ритуализованного повторения совершенно определенных ментальных установок, их внедрения в самосознание и тело социальных агентов. «Именно посредством социализованного тела (т.е. габитуса), – подчеркивает П. Бурдьё, – и ритуальных практик (частично вырванных из временного контекста с помощью стереотипизации и бесконечного повторения) прошлое продолжает воспроизводиться, пока существует коллективная мифология, относительно независимая от непостоянства индивидуальной памяти» [2. С. 289].

Средиземноморье представляет собой ареал с явно выраженной подчеркнутой ориентацией на маскулинность. Эта особенность прослеживается со времен Древней Греции, культура которой является фундаментом всей западно-европейской цивилизации. Однако для большей эффективности исследовательского труда необходимо, с точки зрения П. Бурдьё, анализировать то общество, которое может быть непосредственно

наблюдаемо. В непосредственном взаимодействии с собой такое общество с большей степенью вероятности раскроет исследователю весь «универсум социальных отношений», а также станет источником необходимого материала для анализа процесса функционирования и усвоения социальных схем. Кабилия в этом смысле для П. Бурдьё выступает уникальным единством традиционных средиземноморских установок, с одной стороны, и доступности во времени – с другой. В процессе анализа особенностей этого социума для исследователя как будто в непосредственной близости раскрывается ментальный исток западно-европейской культуры, в том числе и основа гендерного распределения ролей.

Первое, что отмечает П. Бурдьё относительно доминирования мужчин в Кабилии, это полная «естественность» их привилегированного положения в обществе. Разделение полов, равно как и субординация между ними, представляется как исконный нерушимый «порядок вещей», находящий свою реализацию практически во всех сферах жизнедеятельности индивида. «Господствующее видение разделения полов, – пишет П. Бурдьё, – выражается в речевых практиках в виде пословиц, поговорок, загадок, песен, стихов, а также в графических представлениях: настенных рисунках, орнаментах на горшках или тканях. Но оно также находит свое выражение и в технических объектах и практиках: в структуре пространства, например, и особенно – внутреннего устройства дома, или в оппозиции между домом и полем, а также в организации времени, аграрного года или дня, а в более общем виде – в любых практиках, почти всегда одновременно технических и ритуальных, и особенно во всех техниках тела, позах, манерах, умении себя держать» [Там же. С. 292]. Натурализация половых различий оказывается успешной постольку, поскольку объективные принципы социального устройства находят отражение и подтверждение в ментальных установках индивидов. Корреляция субъективного и объективного, таким образом, выступает залогом легитимации существующего гендерного порядка, вследствие чего доминирующее положение мужского пола выглядит как само собой разумеющееся, неизбежное, природное.

Ориентация на маскулинность, успешно натурализуемая традицией, предполагает отождествление

мужского и человеческого как такового. Приоритет мужского, таким образом, выступает залогом его универсализации. «Мужчина (vir), – подчеркивает П. Бурдьё, – это особое существо, которое живет как существо универсальное (homo) и фактически и юридически обладает монополией на понятие человека вообще, то есть на универсальность; он социально уполномочен чувствовать себя носителем всех форм человеческого существования» [Там же. С. 293]. Такая нормативность мужского полагает и легитимирует ряд бинаризирующих оппозиций, встраиваемых в социальное пространство посредством бесконечно повторяющихся мифоритуальных практик противопоставления подлинно человеческого / истинно мужского и женского. Данные практики пронизывают фактически все проявления социальной сферы, распределяя их в соответствии с двумя символическими полюсами: мужского (внешнего, активного, уважаемого) и женского (внутреннего, пассивного, недостойного). Это распределение проявляется также в общепринятом представлении о том, к какому роду деятельности «естественно» предрасположены представители того или иного пола. Так, для Кабилии это соответствие предельно наглядно. Женщины предназначены для выполнения самой малопrestижной, монотонной и даже унижительной работы. В то время как мужчинам атрибутируются наиболее публичные, зрелищные, рискованные виды деятельности.

Таким образом, поляризация мужского и женского образа жизни методично подтверждается самим устройством социальной жизни, ритуально повторяющимся в объективной жизнедеятельности социума и субъективно воспроизводимым в установках, ожиданиях и восприятиях индивидов. «Эти универсально применяемые схемы мышления, – пишет П. Бурдьё, – казалось бы, всегда фиксируют различия, вписанные в саму природу вещей, и постоянно подтверждаются самим ходом вещей, и особенно биологическими и космическими циклами, а также согласием всех тех, в чьи представления они вписаны» [Там же. С. 294, 295]. Таким образом, совпадение объективного «порядка вещей» и субъективного восприятия (или даже одобрения) этого порядка создают поле естественности, в рамках которого сконструированные схемы социума представляются изначально данными.

Особой убедительности данный процесс натурализации достигает благодаря тому, что П. Бурдьё называет *соматизацией*. Соматизация означает, что бинарность ментальных установок, равно как и бинарность внешнего социального порядка, находит свое последнее подтверждение и «естественную» реализацию в телах социальных агентов, которые превращаются в носителей субъективно / объективной дихотомии и демонстрируют, таким образом, нерушимый «природный» характер гендерной поляризации и субординации. В соответствии с указанным принципом продуцируются два типа телесности, существенные черты которых воплощают противоположность между двумя социальными / ментальными полюсами. «Постепенная соматизация фундаментальных отношений, – пишет П. Бурдьё, – конституирующих социальный порядок, приводит к формированию двух ти-

пов “природы”, то есть двух систем натурализованных социальных различий, которые одновременно вписаны как в телесный экзис (в форме двух противоположных и взаимодополняющих типов поз, походки, осанки, жестов и тому подобное), так и в рассудок, воспринимающий все это сквозь серию дуалистических оппозиций» [Там же. С. 297]. Тело начинает демонстрировать символическое распределение социальных ролей, реализуя и одновременно легитимируя символическое насилие, репрессивно разделяющее социум на «естественно» доминирующих и «естественно» доминируемых. Женщины Кабилии, например, будучи предназначены, по общему представлению, для работы в согнутом состоянии (сбор плодов низкорастущих растений, прополка, перенос зерна или навоза на собственной спине), воплощают при этом понятие «кривое», противопоставляемое всему прямому, что, безусловно, может быть преимущественно атрибутировано мужскому полу. Согнутое положение символизирует кривость, которая, в свою очередь, связывается с определенными чертами характера. Именно поэтому, как считает П. Бурдьё, одной из значимых черт женского характера традиционно признается хитрость: если уж женщина и проявляет свою индивидуальность, то это не может произойти «прямым» способом, но лишь в обход, исподтишка, криво или коварно. Таким способом образуется крепкая соматическая социальная связка: согнутое – хитрое – подчиненное.

Что заставляет женщин снова и снова из поколения в поколение занимать эту социальную нишу? С точки зрения П. Бурдьё, вопрос может быть поставлен именно таким образом, поскольку, сообразуя свой внутренний мир и свои внешние проявления (в том числе позы, походку, жесты, кутикуляцию) с указанной дуалистической социальной схемой, женщина в определенный момент своей жизни все-таки «дает согласие» на соответствие униженному положению. Без этого согласия система не могла бы функционировать. Как отмечает П. Бурдьё, «в действительности, принуждение, производимое символическим насилием, реализуется посредством вынужденного признания, которое доминируемые не могут не даровать доминирующим, поскольку, чтобы мыслить самих себя и доминирующих, они располагают лишь теми мыслительными инструментами, что являются общими как для доминируемых, так и для доминирующих» [Там же. С. 299]. Другими словами, общность смыслового поля культуры представляет женщинам сложившийся порядок вещей как неизбежную природную данность и тем самым вынуждает их признать легитимность системы и занять в ней соответствующую позицию. Таким образом, внутренние установки субъекта (являющиеся продуктами длительного социального внушения) объективируются во внешнем социальном порядке, который в свою очередь посредством согласия социальных агентов вновь инкорпорируется в сознание и телесную организацию следующего поколения индивидов.

Безусловно, согласие не дается посредством серьезного осмысленного решения. Скорее, принятие бинарной социальной модели основывается на бессознательном восприятии неотрефлексированных схем

мышления. Индивид принимает к оперированию данные схемы, исходя из убеждения / ощущения, что они являются единственно возможными, бытийными основами всякого социального существования. Это выражается, в частности, и в использовании якобы нейтральных категорий для самопонимания и самообозначения. Поскольку большая часть используемых в социуме категорий встроена в систему отношений господства, характеристика себя с помощью определенного набора атрибутов уже сама по себе является частью механизма включения. «Так, например, – уточняет П. Бурдье, – каждый раз, когда подчиненный использует по отношению к себе одну из категорий, входящих в господствующую систему различий (например, блестящий / серьезный, изящный / вульгарный, уникальный / общий и так далее), он применяет к себе, сам того не зная, господствующую точку зрения, в определенном смысле принимая для самооценки логику негативных предрассудков» [2. С. 300, 301].

Итак, символическое насилие, проявляющееся в невидимых механизмах инкорпорирования и натурализации сконструированных бинарных социальных схем, с точки зрения П. Бурдье, представляет собой сущность мужского господства. Без этой репрессивной составляющей подчеркнутая ориентация на норму маскулинности в культуре просто не могла бы занимать столь бесспорные и безальтернативные позиции. Главная точка приложения символического насилия, по Бурдье, касается телесности, а именно: формирования особого феномена культуры, демонстрирующего естественность и незыблемость гендерной поляризации и субординации – феномена пола, полового измерения телесности. «Самое важное, – пишет П. Бурдье, – это постараться воссоздать способ действия, свойственный габитусу, который приобрел определенные половые характеристики и навязывает их другим, а также условия его формирования» [Там же. С. 303]. Габитус как инкорпорированная система практически ориентированных схем восприятия, мышления и действия производит структуры мира и телесности, имеющие половое измерение. «Посредством постоянной работы по воспитанию, – продолжает П. Бурдье, – социальный мир конструирует тело одновременно и как вещь, имеющую определенные половые характеристики, и как хранилище категорий восприятия и оценивания, способных воспринять объект сквозь призму половых признаков, которые применяются к самому телу в его биологической ипостаси» [Там же].

В итоге тело может быть понято и описано как некое запоминающее устройство, на котором откладываются и благодаря которому впоследствии воспроизводятся бинаризирующие механизмы культуры. Половое измерение телесности, таким образом, не является биологической эссенциальной данностью, как это преимущественно фиксируется в обыденном сознании благодаря многовековой работе по искусственной натурализации пола. Тело конструируется в соответствии с бинарностью традиционной социальной модели, а следовательно, воплощает один из двух легитимированных вариантов половой дихотомии. Символическое насилие в первую очередь осуществ-

ляется посредством маркирования тел, при котором биологически нейтральное тело воспринимает половое измерение и становится его символическим носителем, в прямом смысле демонстрируя бинарные оппозиции в двух противоположных способах самопредставления. Обретшее благодаря телу видимость естественности, эссенциальности, бытийности половое измерение призвано обратить на себя внимание других социальных агентов и вовлечь их таким способом в общую биполярную систему социальности.

Анатомические различия между телами, особенно в плане репродукции, асоциальны. Однако как любая объективность в мире эта первоначальная дифференциация могла бы дать основания для различных интерпретаций. То, что первичное разграничение базирует биполярную половую модель, – признак вовлеченности тела в определенные интерпретативные схемы. Сам пол – знак этой вовлеченности.

Таким образом, по глубокому убеждению П. Бурдье, «сексизм – это эссенциализм, так же как этнический или классовый расизм. Он стремится свести исторически сформированные социальные различия к биологической природе, функционирующей как некоторая сущность, из которой неумолимо выводятся все жизненные акты» [Там же. С. 305]. Более того, это практически самый трудноискоренимый вид эссенциализма, поскольку его основания «прочитываются» в телах, запечатлены в них и своей «биологической» очевидностью «требуют» реализации скрытого в них содержания. Половое измерение телесности в данном контексте может быть понято как императив гендерной поляризации и субординации. Императив, ставший видимым и ощутимым, демонстрируемый как бытийная неизбежность каждым социальным агентом. «Такая работа, – продолжает П. Бурдье, – меняя местами причины и следствия, представляет натурализованную социальную конструкцию (т.е. разные габитусы, произведенные различными социальными условиями, которые сами являются социальными конструктами) как оправдание природой произвольного представления о природе, лежащее в основании как самой реальности, так и представлений о ней» [Там же].

Инкорпорированность бинарной социальной схемы в тела и сознание социальных агентов является условием функционирования всей системы. Производство доминирующих и доминируемых, а также четкой границы между ними признается настолько естественным, что борьба с существующим положением вещей оказывается просто немислимой. Женщины в этих отношениях господства сами «работают» на бинарную социальную модель, поскольку воспринимают и мыслят происходящее в тех же категориях, что и мужчины. Наиболее явно эта бессознательная поддержка бинарного социального режима проявляется тогда, когда формально область женских прав и свобод в обществе расширяется (законодательно вводятся права голоса, образования, доступа к определенным профессиям). Внешнее исключение женщин из ранее запретных областей сменяется их самоисключением, поскольку униженная социальная ниша, внедренная в их тела и сознание, является не столько

внешним фоном их жизни, сколько самим способом существования.

Разрыв системы сексизма труднодостижим не только посредством внешнего воздействия (наподобие рассмотренного выше – законодательно), но и посредством личного волевого решения одного или группы социальных агентов. Те, кто желает приступить к реформированию и либерализации существующей системы, несомненно, обладают телами, которые в свою очередь уже являются носителями информации, принуждающими своих обладателей как минимум воспроизводить определенный набор жестов, особенностей походки, мимики, включенный и одновременно включающий агента в сеть разнородных поляризующих механизмов. В такой же степени эта власть тела обуславливает способ существования доминирующих: посадка головы, осанка, походка создают чувство дистанции и его социальные проявления само собой, т.е. еще вне и до всякого внешнего воздействия. Эта сила «есть социальное трансцендентальное, ставшее телом и функционирующее как *amot fati*, это телесная предрасположенность осуществлять свою самость, ставшую социальной сущностью, и таким образом превращенная в судьбу» [2. С. 310]. Таким образом, социальные агенты являются безусловными заложниками своих тел, сформированных посредством инкорпорирования внешних социальных схем и определяющих также набор категорий сознания, восприятия, мышления и действия.

В итоге социальное пространство заполняется мужскими и женскими телами, на визуальном и ментальном уровнях демонстрирующими «естественность» полового измерения тел, «естественную» противоположность полов, а также «естественную» доминируемого положения женщин. Эта биологизированная социальность на телесном уровне облекает в жесты, позы и манеры дуалистический принцип общественного устройства. При этом агенты, являющиеся носителями тел мужского и женского пола, ориентированы на маскулинность как на социальную норму, отводя женщинам роль «тени», призванной подчеркивать безусловность основного императива, его безальтернативность. «Я полагаю возможным утверждать, – пишет П. Бурдье, – что пол женщин является продуктом работы по конструированию, стремящейся сделать из них своего рода негативное существо, определенное в основном через лишение мужских свойств и наделение уничижительными характеристиками» [Там же. С. 315, 316].

Особенно выразительно это искусственно созидаемое женское предназначение проявляется в процессе социализации мальчиков, весь сложный путь которой направлен на постепенное отмежевание от всего женского / материнского. От подкладывания, в Кабилии например, в постель к роженице и новорожденному атрибутов мужественности, таких как нож или камень, до ритуальной стрижки волос, выхода на рынок и обрезания. Весь ход омуажествления предполагает обретение мальчиком позитивного / мужского содержания, что возможно лишь посредством дистанцирования от женского.

Иметь тело, маркированное полом; проявлять это половое измерение, в том числе и в четко регламен-

тированных отношениях с противоположным полом (призванных воспроизводить бинаризирующий дискурс культуры из поколения в поколение), – таков политический посыл соматизации. Посредством телесности как универсального запоминающего устройства объективные отношения господства визуализируются и инкорпорируются в сознание социальных агентов. Вследствие этой легитимирующей функции тела оно может быть понято и рассмотрено как тело политическое. «Социально сформированное биологическое тело, – подчеркивает П. Бурдье, – есть тело политизированное, или, если хотите, инкорпорированная политика. Фундаментальные принципы андроцентрического видения мира натурализируются в форме элементарных позиций и диспозиций тела, которые воспринимаются как естественное проявление естественных тенденций» [Там же. С. 323, 324].

Политика, будучи фундирующим элементом описанной социальной игры, продуцирует распределение индивидов на две противостоящие друг другу, но в целом поддерживающие сконструированный социальный порядок группы. Одна из этих групп воспринимает и затем воспроизводит доминируемое общественное положение, другая же пользуется некими трансцендентальными предпочтениями и образует группу доминирующих. Неверно думать, однако, что мужчины как привилегированная группа находятся в объективно лучшем положении. Содержание категории «мужественность» выстроено на противопоставлении мужского и женского, а значит, существенно зависит от своей противоположности. Такая корреляция, с точки зрения П. Бурдье, является источником постоянного страха, который сопровождает индивидов мужского пола. Это страх, опасющийся возможного слияния с женским, возможного провала в достижении нелегкой задачи становления мужчиной. Страх, вызываемый женственностью, делает доминирующую группу социальных агентов заложниками собственных социальных предпочтений, их «пленниками» и даже «жертвами». «Поэтому, – продолжает П. Бурдье, – эта привилегия имеет обратную сторону в виде постоянного напряжения или усилия (иногда доводимого до абсурда), навязываемого каждому мужчине необходимостью доказать свою мужественность» [Там же. С. 325].

Становление мужчиной предполагает, таким образом, как наличие определенных прав, так и наличие обязанностей, главной из которых является обязанность подтверждать свою мужественность. Очевидно, что момент, когда мужественность окончательно достигнута, невозможен, поскольку угроза слияния с женственностью непреходяща. В итоге и женщины, и мужчины, в прямом смысле сконструированные социумом в своем половом измерении, вынуждены воспроизводить отношения господства, в которых по существу ни один агент не является господином, но все так или иначе соподчинены друг другу и вместе – бинаризирующему социальному дискурсу. Женщины реализуют свое подчиненное положение посредством того, что уступают общественное пространство, область политики и серьезных дел мужчинам. В то же время мужчины подчиняют свою жизнь

погоне за капиталом маскулинности в надежде обосновать свое привилегированное положение.

Немалое значение в обретении символического капитала имеет так называемый «обмен женщинами». Это процесс, благодаря которому мужчины обосновывают свою мужественность, используя женщин как объекты. Демонстрация обладания этими объектами (права такого обладания закрепляются за отцом, мужем или братом), а также умелой манипуляции с ними (например, зачатие наследника мужского пола, количество таковых наследников) существенно повышает социальный статус мужчины. Положение дочери, жены или сестры представляется, таким образом, естественным предназначением женщины, в свете которого она воспитывается, для которого она готовится не только ментально, но и телесно (обретая специфические навыки держать себя и ухаживать за собой, предлагая себя мужчине как ценный предмет для его самоутверждения).

«Символическая борьба, – подытоживает П. Бурдьё, – управляет миром. Все социальные игры,

от борьбы за честь кабилских крестьян до научного, философского или художественного соперничества... включая и войну, представляющую собой предельный случай всех возможных игр, устроены так, что мужчина не может в нее войти, не поддавшись желанию играть, то есть желанию победить или, по крайней мере, быть на высоте идеи и идеала игрока, требуемых игрой» [Там же. С. 352]. Другими словами, символическое насилие, являющееся властным нервом культуры, пронизывает всю область социального, конструируя и принуждая к воспроизводству в телах и сознании социальных агентов базовой дихотомии прямое / кривое, внешнее / внутреннее, активное / пассивное, мужское / женское. Вследствие этих репрессивных механизмов социальное пространство оказывается наполненным телами, запечатлевшими в себе фундаментальный императив маскулинно ориентированной культуры. Гендерная поляризация и субординация представляются, таким образом, натурализованными диспозициями социума, демонстрирующими неизбежность и безальтернативность традиционного социального порядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буровой Майкл. Восемь бесед с Пьером Бурдьё (конспект выступления в университете Витвортерсренда (ЮАР), март 2010 г.) // Социологические исследования. 2012. № 3. С. 128–133.
2. Бурдьё Пьер. Мужское господство // Социальное пространство: поля и практики / пер. с франц. ; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2005. С. 286–365.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 3 сентября 2014 г.

SYMBOLIC VIOLENCE AS THE MAIN MECHANISM FOR THE REPRODUCTION OF GENDER POLARIZATION AND SUBORDINATION IN THE THEORY OF PIERRE BOURDIEU

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 81-85. DOI: 10.17223/15617793/388/13

Khitruk Ekaterina B. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lubomudr@vtomske.ru

Keywords: masculine domination; masculinity; femininity; symbolic violence; somatization; naturalization.

Gender separation and subordination are presented in the traditional culture as the primordial "order of things" that has found its realization in almost all positions of individual's life. Naturalization of sexual difference is successful enough because the objective principles of social order are also reflected in the mental attitudes of individuals. Some correlations between the subjective and the objective are presented as security legitimization of the existing gender order, so that the dominant male appears a matter of course, inevitable and natural. The naturalization process under discussion reaches its particular meaning due to what Bourdieu called somatization. The latter means binary mental attitudes and binary external social order are confirmed. The "natural" realization of the order is in the bodies of social agents that become carriers of the subjective / objective dichotomy and thus demonstrate the indestructible "natural" character of gender polarization and subordination. In accordance with the principle mentioned above two types of physicality are produced; their essential features present a contrast between the two social / mental poles. Human body falls to demonstrate the symbolic distribution of social roles, realizing and legitimizing symbolic violence at the same time. The violence separates the "naturally" dominant and "naturally" dominated individuals. As a result, the body can be understood and described as a kind of memory storage, which records binarized culture mechanisms and reproduces them in a time. So, the sexual dimension of physicality is not an essential biological thinking, as it is implied in everyday consciousness due to the artificial naturalization of sex for centuries. The body is constructed in accordance with the binarity of the traditional social model and, therefore, represents one of the two variants of legitimized sexual dichotomy. Symbolic violence is primarily carried out according to labeling bodies, in which biologically neutral body perceives its sexual dimension and becomes one of its symbolic carriers. As a matter of fact this violence literally demonstrates the binary oppositions in two opposite ways of self-representation. Gender dimension that found visibility of the natural, the essential, beingness due to body is destined to draw attention of other social agents and this way to involve them in the overall bipolar system of sociality. Gender polarization and subordination are presented as naturalized dispositions of society demonstrating the inevitability and there is no alternative of the traditional social order.

REFERENCES

1. Burawoy M. Vosem' besed s P'rom Burd'e (konspekt vystupleniya v universitete Vitvortersrenda (YuAR), mart 2010 g.) [Eight interviews with Pierre Bourdieu (synopsis of his speech at epy University of the Witwatersrand (RSA), March 2010)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 2012, no. 3, pp. 128-133.
2. Bourdieu P. *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social space: fields and practice]. Translated from French. Moscow: Institute for Experimental Sociology Publ.; St. Petersburg: Aletyia Publ., 2005, pp. 286-365.

Received: 03 September 2014